

Внезапный порыв Гу Шэня ошеломил Сюй Мяо. Он так и застыл с раскрытыми ладонями, не понимая, куда их деть.

И что теперь делать? Обнять его в ответ?

Сюй Мяо чувствовал, как дрожит объятая жаром тело Гу Шэня. Это походило на откровенный призыв, но в глубине души Сюй Мяо закралось сомнение: действительно ли Гу Шэнь этого хотел?

К чёрту! С каких это пор он стал заботиться о чужих желаниях?

Секундное замешательство прошло, и в Сюй Мяо мгновенно проснулся волчий инстинкт. Ловким движением, прежде чем Гу Шэнь успел хоть что-то сообразить, он опрокинул его на постель. Тот послушно погрузился в мягкий матрас; слабая, вялая попытка сопротивления тут же сошла на нет. Сюй Мяо перехватил запястье Гу Шэня, пригвоздив одну его руку над головой, пока вторая оставалась намертво скованной с его собственной.

Никогда прежде Сюй Мяо не чувствовал себя настолько всеильным. Наконец-то он в полной мере ощутил, какую власть дарует ему статус альфы.

Зверь торжествующе оскалился. Облизнувшись, он медленно склонился к шее Гу Шэня. Острые клыки зловеще блеснули у самой плоти, но Сюй Мяо не спешил. Он упивался этим моментом, дразня жертву медленным, удушающим приближением — так хищник играет с добычей, давая понять: твоя жизнь в моих руках.

«Я могу пометить тебя в любую секунду. Сделать своим. Настоящим омегой. Представляю, как красиво ты будешь плакать...»

— Гу Шэнь, — хрипло позвал Сюй Мяо, цепляясь за последние крохи ускользающего разума. Но в этом голосе не было и тени вопроса. Прижатый к постели Гу Шэнь был лишен права выбора.

— Нельзя...

— Ты умрешь! — Гу Шэнь так и не открыл глаз, сопротивляясь лишь на грани угасающих инстинктов. Он вцепился в предплечье Сюй Мяо, сжав пальцы с удивительной, бешеной силой. Сюй Мяо почувствовал резкую боль, но она лишь подхлестнула его возбуждение. Он хищно прищурился.

Смерть? Да плевать!

С каких это пор ему кто-то смеет указывать? Он — волк, дикий зверь. Рожден свободным, живет по своим законам и умереть готов так же. Он волен творить всё, что вздумается, и сам

решает свою судьбу. К тому же, если платой за абсолютное блаженство станет кончина, то такой смертельный исход лишь разжигает кровь.

Эта мысль окончательно сорвала тормоза. Сладкое томительное ожидание подошло к концу, стягивая их судьбы в один тугой узел. Гу Шэнь из последних сил пытался оттолкнуть его, увернуться. Сталь наручников пронзительно заскрежетала. Запястья Сюй Мяо покраснели и ободрались от яростных рывков, а нежная кожа Гу Шэня уже давно кровоточила.

Пелена похоти на миг спала, когда Сюй Мяо заметил эту сочную алую полосу. Резкий контраст резанул по глазам. Он осторожно коснулся сочащейся раны, и в груди шевельнулась глухая, щемящая тоска.

Приподнявшись на локтях, он уткнулся лбом в грудь Гу Шэня и глухо, с какой-то детской обидой пробормотал:

— Я хочу тебя. Почему нельзя?..

— Ты умрешь... — лишь едва слышно шелестел в ответ Гу Шэнь. В полумраке спальни его слова казались бессильным, обреченным вздохом.

— Да почему?! Почему?! — вскинулся Сюй Мяо, яростно сипя сквозь зубы. Он смотрел влажными, лихорадочно блестящими глазами, словно волк хмурым зимним утром, когда готовится к броску. Сам того не замечая, он сжал ладонь на запястье омеги еще сильнее.

— Больно... — Гу Шэнь стиснул зубы. С трудом разомкнув веки, словно от нестерпимо яркого света, он нахмурился и посмотрел на парня. — Прекрати... У меня правда нет сил на твои игры.

— Я, блядь, не шучу! Ты всё ещё держишь меня за сопляка?! — Вспыхнувшая злость обожгла изнутри, но Сюй Мяо был бессилен. Этого человека нельзя было ни ударить, ни трахнуть. Он видел, что Гу Шэню больно, но нежность и сочувствие никогда не были его сильной стороной. Сюй Мяо просто не умел утешать и теперь метался, совершенно не понимая, что делать с этим хрупким сокровищем.

— Сука, как же бесит!

Он с размаху впечатал кулак в постель. Пружинный матрас, словно издеваясь над его беспомощностью, упруго спружинил, разозлив Сюй Мяо еще сильнее.

Спустив пар в этой глупой вспышке ярости, он вновь повернулся к Гу Шэню. Тот лежал пунцовый, уплывая в забытие. Сюй Мяо приложил ладонь к его лбу — господи, да парень горел так, словно его оставили под палящим полуденным солнцем на раскаленном капоте.

— Что это за чертовщина?! — Сюй Мяо в ярости рванул ворот его рубахи. — Где этот

проклятый узор? Я должен его увидеть! Найду кого угодно, но заставлю снять эту дрянь!

— Не надо... Я сам... — Гу Шэнь снова прикрыл глаза, сознание ускользало. Каждый сустав выкручивало от боли, ему хотелось лишь одного — замереть и не двигаться. Любое прикосновение отдавалось внутри острой судорогой, а грубые рывки Сюй Мяо только усугубляли пытку. Пытаясь хоть немного облегчить свои страдания, Гу Шэнь выдавил эти слова сквозь затуманенный лихорадкой разум.

«Сам?» Сюй Мяо цепко ухватился за это слово.

Он замер рядом, затаив дыхание и наблюдая, как омега вслепую, не открывая глаз, начинает расстегивать пуговицы. Слегка остывший пыл Сюй Мяо вспыхнул с новой, сокрушительной силой; во рту мгновенно пересохло, а пульс застучал в висках.

Сложение Гу Шэня было безупречным: точеный силуэт с сухими, рельефными мышцами лишал всякой утонченной слабости, но и не превращал его в грубого тяжеловеса. Линия плеч казалась идеальной — на такого мужчину хотелось смотреть бесконечно, а еще сильнее — сгрести в охапку и никогда не выпускать.

«Смерть так смерть», — упрямо билась в голове безумная мысль. Словно внутренний демон нашептывал ему порочные приказы, растравливая первобытную жажду обладания и подчинения.

Повинуясь этому зову, он вновь навис над Гу Шэнем.

—... Вот здесь, — пробормотал Гу Шэнь, слабо коснувшись ладонью своего живота. В бреду он даже не заметил возвращения хищника. Дрожащие ресницы омеги делали его образ беззащитным, почти трогательным.

Сложно было поверить, что этот уязвимый сейчас человек — тот самый беспощадный боец, чей ледяной взгляд заставлял трепетать врагов, а клинок разил без промаха. Тот, чей белоснежный плащ вечно был запятнан чужой кровью, теперь лежал поверженный, бормоча бред под натиском собственного выкорыща. Сюй Мяо невольно задумался: что бы сказал прежний Гу Шэнь, узнай он о таком исходе?

Перерезал бы паршивцу глотку в глухом переулке, пока никто не видит?

Или затаил бы тайное, сладкое предвкушение, терпеливо дожидаясь, пока волчонок окрепнет и покажет зубы?

«Гу Шэнь, когда именно ты привязался ко мне? С какими мыслями ты год за годом наблюдал, как я расту?»

— Сюй Мяо... остановись. Я не лгу. Проклятие реально... Если мы... ты погибнешь... — В сознании Гу Шэня на миг промелькнул просвет. Слегка приоткрыв глаза и обнаружив, что парень всё ещё нависает сверху, он вяло уперся ладонями в его грудь.

— Гу Шэнь, разве это так плохо? Я отправлюсь на тот свет, ты получишь свое удовольствие — все в выигрыше.

Сюй Мяо уперся ладонями по обе стороны от его головы, склоняясь так низко, что его лицо опалило чужим горячим дыханием. Он жадно вглядывался в черты омеги, даже не замечая, насколько дико и устрашающе выглядит его частично трансформированный лик. Острые клыки обнажились в хищном оскале, готовые оборвать жизнь жертвы.

— Ты ведь для этого меня растил, верно? М-м? — Его голос прозвучал пугающе ласково, контрастируя с хищным безумием во взгляде. Так убаюкивают перед неизбежным штормом.

— Не надо... — Гу Шэнь слабо отвернулся, тщетно пытаясь уклониться. Голос его совсем угас, веки отяжелели.

— Чего именно не надо? — Сюй Мяо бесцеремонно обхватил его подбородок пальцами, заставляя смотреть на себя.

— Не надо... умирать... Сюй Мяо, я...

Разум омеги окончательно помутился. Вслед за этим несвязным признанием последовал тихий, жалобный лепет — он жаловался на непрекращающуюся боль, уходя в глубокое беспамятство. Но Сюй Мяо уже ничего не слышал. В его ушах набатом звенело лишь одно: Гу Шэнь не хочет его смерти. В голове зашумело, реальность поплыла, стирая границы времени и пространства.